

Россия – между Востоком и Западом, между прошлым и будущим

Немного истории

Споры о том, является ли Россия европейской страной или азиатской, последние 200 лет то затихают, то азартно возобновляются. В сущности, спорили разного рода модернизаторы с разного рода традиционалистами, и временами обе стороны имели вполне веские доводы.

Эта проблема возникла в начале XIX века в виде полемики между западниками и славянофилами; в ней участвовали очень известные, образованные и уважаемые люди.

Западники вдохновлялись широким знакомством с Европой, возникшим в результате борьбы с Наполеоном. Это знакомство наложило на то, что, образованная часть российского населения уже во времена Киевской Руси и Московского царства восприняло византийскую культуру и затем под модернизаторским влиянием Петра I – западноевропейскую. Славянофилы же чувствовали, что более широкая часть населения чужда этой культуре, ориентирована на более глубокие верования и представления, заменить которые западными ценностями было бы слишком болезненно. Некоторые, и чуть позже Д.С. Мережковский, наиболее яркого из модернизаторов, императора Петра I, называл даже антихристом.

Во второй половине XIX века споры несколько утихли, так как Россия медленно, рывками продолжила идти по западному пути, хотя осуществляла упорную экспансию в другую сторону.

Одним из последних традиционалистов был Л.Н. Толстой, ему не нравилось разрушение крестьянской общины. Трудно сказать, были ли осуществимы его взгляды на практике, над ними свысока потешались многие, но его опасения подтвердились дальнейшим катастрофическим развитием.

Почти весь XX век эти проблемы, как и большинство других, не дебатировались (не считая уничтожения слабых оппозиционеров, предлагавших опираться в развитии СССР на крестьянство), поскольку стране была диктаторски навязана решительная модернизация. Она однобоко касалась только производства и, действительно, сопровождалась успехами промышленности, прежде всего военной. С этой целью и просто походя изживалось крестьянство, отсюда упадок сель-

ского производства, бедность громадного большинства народа. Эта модернизация сопровождалась полным уничтожением общественной жизни, она оплачена громадными жертвами народа.

Современная проблема

Осознание необходимости перестройки порядков в стране и затем крах СССР снова выдвинули проблему выбора пути. Теперь эта проблема предстала в виде двух возможных типов модернизации: или рыночные механизмы и демократия приблизительно западного образца, или опять-таки рыночные механизмы, но сильно ограниченные государством и громадными государственными же концернами, и ещё более ограниченное, «регулируемое» самоуправление приблизительно по образцу Китая. Достоинства и недостатки первого из этих вариантов хорошо известны по западному опыту и поэтому он не особенно детализируется. Второй же как более свежий рекламируется обещанием не только модернизировать экономику, но и обеспечить социальный мир, освоить наннотехнологии, космос и, в то же время, добиться могущества страны за счёт монопольной продажи энергоресурсов и усиленной милитаризацией.

После распада СССР Россия уже не является гегемоном многих общностей, составлявших одну из двух сверхдержав мира. Наряду с другими странами, входившими в зону СССР, она оказалась между двумя громадными, не соизмеримыми с ней цивилизациями: с западной стороны – европейской, за спиной которой стоит ещё и Северная Америка, и с восточной стороны – китайской и, говоря более широко, – восточноазиатской. Большинство западной части этой зоны уверенно вошло в сферу Европейского союза, восточные страны (Средняя Азия) всё больше тяготеют к Китаю, а некоторые, Белоруссия и Казахстан, как и Россия, свой окончательный выбор, думается, ещё не сделали.

Для России этот выбор очень не прост.

Вхождение в Европейский союз потребовало бы от неё существенной модернизации не только производственной, но и общественной сферы, отказа от стремления к гегемонии. Да и Россия считается слишком громоздкой для плотного вхождения в Европейский Союз, непропорциональной по сравнению с другими его странами. Так, население самого крупного государства этого Союза – ФРГ составляет

всего 60% от населения России (заметим, при в десять раз большем ВВП на человека). В силу этих обстоятельств российское руководство не видит приемлемой для себя, достаточно почётной роли в сотрудничестве с Европой.

Альтернатива – сближение с Китаем. Но по отношению к решительно развивающемуся Китаю Россия, наоборот, настолько мала (раз в пять по ВВП и в десять раз по населению), что равноправные отношения между ними вряд ли возможны. Скорее, возникла бы система метрополия-протекторат, если не ещё унижительней. Более того, сближение с этой совсем иной цивилизацией, несущей в себе древние традиции и перерабатывающей их, потребовало бы от ряда российских поколений кардинальной ломки европейского сознания. За последние десять веков оно в какой-то мере уже создано – сначала в византийском варианте, на который последние три-четыре века рывками накладывается более продуктивный западноевропейский вариант. Теперь это свойственно большинству россиян, но, правда, только когда они не подвергаются тотальной антизападной пропаганде.

Мучительный выбор подменяется и затемняется мутной мечтой об евразийстве, пущенной в ход в 30-х годах прошлого века.

Цель того евразийства, – служа противовесом ужасу перед режимом, созданным в СССР, соблазнять российских эмигрантов на служение стране, как бы принявшей на себя великую миссию некоего особого мученичества на пути к построению духовного моста справедливости между Западом и Востоком. Не сумев найти место в эмиграции, некоторые тогда поверили этой идее и – попали в руки её авторов.

Кое-кто теперь воскрешает этот лозунг. Даже мыслится создание под эгидой России Евразийского Союза, включающего кроме неё очень разные государства: Белоруссию, Украину, Казахстан и т.д. На пути к такой сложной, чтобы не сказать – ложной, конструкции много трудностей, и, может быть, важнейшая из них – страх приглашаемых членов перед жёстким диктатом России. А самая явная трудность – обнаружившееся настойчивое стремление Украины вовсе не в этот, а в Европейский Союз.

Идее этого Союза сопутствует ещё и идея Русского Мира, простирающегося куда-то в безграничную даль от России, где бы ни оказались понимающие русский язык. Этот Мир в чуть изменённом виде оживляет мечту XIX века о Славянском Мире; хотя та была всё-таки более ограниченной географически; под её знаменем не раз воевали, и было пролито много крови.

Две новейшие идеи очевидно несовместимы: идея Евразийского Союза наднациональна, а Русского Мира – нескрываяемо националистична, что не может не отпугивать другие народы, особенно соседей. Не исключено, что провозглашение Русского Мира ещё более опасно внутри России. Ведь она многонациональна, и многие люди не русской национальности, от малочисленных камчадалов до многочисленных татар, могут почувствовать себя внутри этого Мира, не российского, а избирательно и демонстративно русского, очень дискомфортно.

От этой пропаганды недалеко до уже известных катаклизмов национальной розни.

Россия на карте Евразии

Обсуждение проблемы путей вертится вокруг важной темы о степени готовности населения России к самоуправлению и демократии и, насколько известно, не акцентирует другой вопрос – имеет ли страна в целом (или в виде каких-то её частей) экономический потенциал для развития или хотя бы для сохранения на существующем уровне. Не ясно, почему этот вопрос не акцентируется – из политкорректности или из страха задуматься. Между тем глобализация экономики, культуры, науки и вообще жизни на Земле оборачивает проблему Запад-Восток решительно новой стороной, не столь ясной ещё лет 30 назад. Чтобы принять во внимание эти изменения, нужно обратиться к некоторым географическим обстоятельствам, так сильно влиявшим на жизнь России в прошлом. Им, может быть, ещё сильнее предстоит проявиться в будущем.

Видимо, нужно начать с того, что Россия – это не Европа и не Азия, а северо-восточная окраина Европы и северо-западная окраина Азии. В глазах европейцев и азиатов, проживающих по сторонам от России, обе окраины из-за холодного климата мало пригодны для производительной деятельности и даже просто для проживания человека. Отсюда малая плотность населения России по сравнению с Европой и Китаем, малый интерес к ней со стороны соседей и к тому же относительная неуязвимость её для их посягательств. Отсюда же, наоборот, упорная экспансия России на протяжении последних пяти веков в сторону Запада, Юга и Юго-Востока – понятное стремление к морям и теплу.

Сопоставления

Россия – самая холодная страна в мире. В этом отношении наиболее близкий аналог России – Канада. Территории обеих стран находятся в основном севернее 50-ой параллели. Но не полностью. В России южнее находятся следующие города: в европейской части – немного южнее Волгоград, далее Ростов и ещё более южные территории, а в азиатской части – немного южнее Хабаровск и сильно южнее Владивосток. В Канаде южнее находятся почти все главные города: немного южнее – Ванкувер и Виннипег, значительно южнее – Оттава и Монреаль; именно там проживает основная часть населения. В целом, омываемая с двух сторон океанами Канада и на одинаковых широтах значительно более благоприятна климатически, чем Россия.

Интересно сравнить эти две страны по самым общим недавним показателям. Из помещённой ниже таблицы видно, что более благоприятный климат Канады не помешал тому, что её плотность населения в 2,6 раза меньше, чем в России. (Вспоминается беспричинное сожаление по поводу Канады: «Над Канадой небо синее, / Меж берез дожди косые, / Так похоже на Россию, / Только все же не Россия.»)

Показатель	Россия	Канада
Площадь, млн. км ²	17	10
Население, млн. человек	144	33
Численность населения на км ²	8,5	3,3
ВВП US \$ на человека	11000	30000

Это сопоставление вряд ли можно понять, если забыть о различии общественного устройства двух стран. Канада – страна с границами, изначально практически открытыми, она – одна из стран среди громадного англоязычного и франкоязычного мира, и поэтому её экономика создавалась по понятиям этого мира, а население сформировалось в соответствии с естественным желанием людей находиться в этой стране или покинуть её. В этом отношении она может служить некоторой ориентировочной моделью естественного заселения страны с не очень комфортным климатом.

Другое дело Россия, гораздо более закрытая страна. В XVI-XVIII веках имел место важный, но небольшой приток европейцев, а в XX веке довольно значительная эмиграция. В начале века она была вынуждена гражданской войной. Только в конце XX века стала воз-

можной естественная эмиграция, связанная со стремлением к более комфортной жизни и с потребностью профессиональной реализации; это движение имеет тенденцию к продолжению. Наконец, в XIX и в XX веках с территории бывшего СССР происходила значительная эмиграция евреев и в XX веке – немцев; небольшая часть этой эмиграции пришлась на Россию.

Гораздо большее влияние на численность и качество населения СССР оказала гибель людей: а) во время войн этого века, б) в результате нескольких голодных периодов, в) в результате репрессий по отношению к действительным или потенциальным врагам существовавшего режима, и по отношению к слишком влиятельным друзьям этого режима, г) из-за бедности с сопутствующей высокой смертностью от пьянства, наркомании, плохой медицинской помощи, разнообразных аварий.

С другой стороны, бедность и замкнутость благоприятствовали увеличению населения и достижению имеющейся плотности, удивительной для столь холодной страны. На территории России создалось население, настолько изолированное от остального мира, что оно не сравнивало себя с населением западных стран и считало своё состояние не бедным, а естественным, единственно возможным (здесь не имеется в виду совершенно особая часть населения – дворянская элита XIX века, создавшая великую литературу). Такое положение начало разрушаться только в середине XX века после смерти И.В. Сталина; процесс ускорился в конце XX века благодаря ликвидации отгороженности страны от внешнего мира.

Возникли две попытки модернизации экономики: первая связана с Н.С. Хрущёвым и А.Н. Косыгиным – с 1955 по конец 1960-х, вторая – объявленная недавно.

Первая попытка сделала более безопасной общественную жизнь, улучшила и оживила её и принесла плоды в области мирного производства, но плоды небольшие, поскольку была резко прекращена противодействием консервативно настроенной части руководящих структур. Эти традиционалисты не особенно углублялись в прошлое страны, а опирались на воспоминания о недавних благах сталинского периода.

Важно, что вторая попытка модернизации идёт, как и первая, – сверху; её ведёт система почти в той же мере централизованного управления экономической и общественной жизнью. Эта попытка довольно настойчиво опирается почти на те же воспоминания об СССР,

теперь более удалённые и специально смягчаемые. Между тем она приходится на иные условия: уже имеется некоторый обмен информацией, нет препятствий со стороны властей для въезда и выезда. Одновременно говорят о будто бы заманчивом опыте Китая а, призывая перенимать этот опыт, умалчивают о многом. О несравненной способности китайцев трудиться ещё недавно за малую по сравнению с Россией оплату, о наличии в Китае действенной, а не эфемерной правящей партии с периодически сменяемым руководством и об удивительной последовательности проводимой ею модернизации сверху.

Приведённое выше сопоставление позволяет тревожно предположить, что в случае сохранения существующего направления развития России плотность её населения постепенно приблизится к той плотности, которой со временем будет располагать Канада, и тогда её население уменьшится до 70-100 млн. человек. Не известно, понимает ли возможность такой перспективы руководящая элита России, но видно, что она не оказывает этому практического противодействия, хотя идущий не управляемый процесс социально катастрофичен. Может быть, он признан неуправляемым в принципе, или молчаливо смирились с ним как с фатальной неизбежностью: мол, приблизительно такое количество людей, а не большее, сможет удовлетворительно (приближаясь к западным стандартам) жить на доходы от эксплуатации природных ресурсов и благодаря своим не очень продуктивным трудам.

Перспектива закрытости страны

Любопытный вариант противодействия неблагоприятному процессу развития России можно почерпнуть в книге А.П. Паршина «Почему Россия не Америка» (изд. Крымский мост-9д, Форум, Москва 2001, 411с). В ней уделено пристальное внимание тому, что исключительно холодный климат России лишает любое производство в ней способности конкурировать на мировом рынке (тут речь не идёт, конечно, о добыче природных ресурсов). Рассуждения этого автора, который представляет себя в качестве приверженца сталинизма, приводят его к выводу, что Россия должна решительно изолировать себя от внешнего мира: никаких открытых границ, недопущение иностранных товаров на внутренний рынок, никакого участия в ВТО и т.п. Автор безнравственно не обращает внимания на то, что этот путь уже опробован

Россией, – он ведёт к отсутствию общественной жизни, деградации культуры, милитаризации почти натурального хозяйства и к суровой бедности подавляющей части населения.

Пугает ли такая перспектива руководящую элиту, – кто знает? Но, как не раз замечено, она лишила бы правящий слой разнообразных приятных связей с Западом, и хотя бы поэтому последовательное движение по этому пути вряд ли реально, и мы воздержимся от его дальнейшего обсуждения.

Модернизация западного типа

Этот тип модернизации вряд ли может обойтись без того, чтобы понять объективно существующие условия, принять их и последовательно интегрировать страну в западный мир, имея в виду приблизительно канадский образец. Для этого пришлось бы сконцентрировать усилия общества на социальных задачах и создании той промышленности и инфраструктуры, которые наиболее отвечают неблагоприятным природным условиям и, к счастью, имеющимся преимуществам страны. Это прежде всего – отрасли промышленности, обслуживающие добычу, обработку и транспортировку природных ресурсов (имеются в виду и средства восстановления природы).

Нельзя не заметить важнейшую особенность российской территории. Её громадная протяжённость не только разобщает цивилизационные центры Западной Европы и Восточной Азии, но и делает её, к счастью, важным мостом между ними. Велики также расстояния между важнейшими районами внутри страны, что, к сожалению, затрудняет, замедляет и удорожает их функционирование как единого производственного и общественного механизма.

Отсюда следует целесообразность создания быстрых и удобных транспортных магистралей прежде всего в направлении Запад-Восток: Европа – Китай, Япония (возможно, целесообразно участие в связях и в направлении Север-Юг: Европа – Индия). Как раз этот мост, не мариловский, а реальный, может парадоксально выразить пресловутое евразийство. И конечно, любые важные магистрали должны быть увязаны с магистралями соседей.

Важнейшее обстоятельство: хорошие транспортные магистрали заодно послужили бы укреплению связей между производственными и культурными центрами внутри страны.

Наконец, нельзя забыть возможности экзотических приключений в малонаселённых районах России.

Размещение объектов производственной деятельности и населения приходится увязывать с климатом: объектам, не привязанным непосредственно к использованию природных ресурсов, место в наиболее тёплых частях страны.

Нужно ли по примеру некоторых энтузиастов СССР стремиться выращивать апельсины в тундре или заниматься высокой наукой в Сибири? Для апельсиновых садов подходит, например, Испания, а для занятий передовой наукой и техникой, для культурных мероприятий существует множество мест на Земле, обладающих более подходящим климатом, лучшей инфраструктурой и пр., чем Сибирь или Север Канады. Среди таких мест и Юг России. При открытых границах в такого рода районы и стремятся специалисты из всех менее выигранных мест, и это свойственно не только России.

Конечно, непривычный и болезненный процесс миграции людей как внутри России, так и через её границы должен быть гуманно подержан обществом – экономически, в отношении образования и т.п.

Даже если признать изложенное выше похожим на правду, вызывает большое сомнение возможность совместить модернизацию общества с его великодержавными устремлениями. Общество и в первую очередь его образованная часть должны осознать, что существование Российской империи, как, например, и бывшей Британской или Французской, невозможно в условиях экономического и национального подъёма на зависимых территориях. Более того, в условиях глобализации жизни сохранение империи было бы обременительным и даже просто не рациональным для самой метрополии. Болезненно отделившись от зависимых территорий и народов, народы упомянутых Франции и Британии отнюдь не стали беднее и несчастнее.

Перед народом России стоит аналогичная сложная психологическая задача – освободиться от устаревших великодержавных и милитаристских представлений, от обид на будто бы облагодетельствованных, но неблагодарных соседей и от подозрительности по отношению к ним. Ему предстоит осознать свою самодостаточность в имеющемся виде и проявить свою способность к глубокой модернизации во взаимодействии и в равноправной дружбе с другими народами и, особенно, со всеми соседними. Ведь главная цель общества – благополучие его членов, а не могущество державы и не страх её соседей.

Итог

Не приходится сомневаться, что путь модернизации западного типа требует целенаправленного преодоления немалых трудностей, социальных, политических, психологических и, конечно, экономических. Но он сулит народу модернизированной мирной России длительное и стабильное благополучие.

И – осилит дорогу идущий!

Добавление

Интереснейшие соображения содержатся в большой статье Ю.Афанасьева, Ал. Давыдова, Анд. Пелипенко, иронически названной «Вперед нельзя назад!» и опубликованной в журнале «Континент» №141, 2009. По форме статья является рецензией на известное воззвание президента страны «Вперед, Россия!», но далеко выходит за эти рамки. Авторы решительно полемизируют с президентом путём развёрнутого анализа имеющегося состояния чувств и умов в России и на основе обращения к глубоким истокам этого состояния.

В сущности, эта статья удачно представляет как бы комментарием к последней фразе предыдущего раздела: «И – осилит дорогу идущий», оставляющей открытым вопрос об участниках и инициаторах процесса модернизации. Коротко говоря, авторы статьи утверждают, что идущих собственно нет, идти уже некому. Не говоря о более отдалённых обстоятельствах, причина этого коренится в этнографической и интеллектуальной катастрофе, переживаемой страной уже 100 лет. Этот пессимистический взгляд – может быть, излишне пессимистический – приводит авторов к печальному прогнозу деградации российского общества. Она не описана чётко, но, тем не менее, читателю было бы трудно оспорить этот прогноз.

Сейчас прошло уже несколько лет с момента опубликования статьи в «Континенте», но всё ещё, к сожалению, не удаётся заметить видимых сдвигов в консолидации сознания российского общества в позитивном направлении. На поверхности процесса видно прямо противоположное движение. Оно дополнительно обозначилось энтузиазмом воинственного конфликта с Украиной, устроенного из-за нежелания украинского общества придерживаться извилистого курса России.

А для позитивной консолидации общества не нужны ни предвыборные статьи-лозунги, ни воинственность.

Требуется совсем иное – выработать, наконец, приемлемую концепцию модернизации. В ней нужно честно и убедительно назвать главные проблемы народа, сформулировать основные цели предстоящих преобразований и указать те имеющиеся у народа ресурсы, которые позволят решить проблемы. Затем, не скрывая предстоящих трудностей и не обещая рая, концепция должна наметить чёткий и обозримый путь к поставленным целям, путь, который полностью соответствовал бы материальным, интеллектуальным и моральным ресурсам народа.

Первоначальный адрес такой концепции – наиболее образованная часть народа. Затем воспринятая этой частью концепция должна быть предложена всей той значительно более многочисленной части народа, которая общественно активна. Если она оказалась бы в общем понята и поддержана активной частью, то это создало бы консолидацию народа в целом.

Если двигаться в этом духе, то старое речение «осилит дорогу идущий» приобретёт, наконец, вполне оптимистический смысл.

Ещё добавление

По мере сил обсудив в этой главе много трудных российских проблем восприятия её недавней истории и её предстоящих решений и прежде, чем перейти к следующей главе о как будто более очевидных обстоятельствах, позволим себе обратиться к вдохновляющему примеру лидера страны, который умел в исключительно трудных условиях, не поступаясь принципами, находить приемлемые решения. Это, конечно, – сэр Уинстон Черчилль.

Он активно занимался политикой с начала прошлого века до самой смерти в 1965 году, неоднократно работал в правительстве Великобритании и, главное, был премьер-министром в самые тяжёлые для его страны шесть лет войны с 1939 по 1945 год. Хотя страна не обладала ни такими человеческими ресурсами, как СССР, ни такими человеческими и промышленными ресурсами, как США, именно он, не скрывая предстоящих жертв, сумел вдохновить свой народ на отпор врагу и создать ему в помощь громадную антигитлеровскую коалицию. Он был непримиримым противником как нацизма, так и большевизма, но первый выглядел для Британии опаснее второго, и ради победы над Гитлером он наладил взаимодействие со Сталиным, помог

ему не рухнуть под ударами Гитлера и побеждать его. Во многом благодаря этому Британия избежала в этой войне таких человеческих потерь, которые были бы катастрофическими для неё.

Было бы несправедливым не назвать Черчилля самым успешным руководителем тех лет.

Некоторая малая часть деятельности Черчилля имеет прямое отношение к одной из тем следующей главы, и, переходя к ней, обратимся к книге Мартина Гилберта – историка и официального биографа Черчилля («Черчилль и евреи» М., Мосты культуры; Иерусалим, Гешарим, 2007).

Из предисловия книги: «Один из членов британского парламента предупреждал Черчилля, что из-за его поддержки сионистских устремлений в Палестине тот окажется лицом к лицу с «передающейся по наследству неприязнью к еврейской расе, существующей во всём мире». Однако Черчилль всё равно не отступил. Хотя он никогда не являлся безоговорочным сторонником сионизма, он проявлял себя по отношению к нему как один из наиболее стойких союзников и защитников. Черчилль высоко ценил евреев, которые зачастую были объектом презрения, неприязни, недоверия и жестокости, и хотел, чтобы они заняли то место в мире, которое по справедливости принадлежит им. В то самое время, когда он публично осуждал акты террора против британцев в Палестине, которые совершали еврейские боевики, он доверительно заявил своему другу-еврею, смущённому столь жёсткой критикой Черчилля: «Еврейский народ хорошо знает, что я его друг». Это было действительно так.»

Из эпилога книги: «В 1946 году, когда еврейский терроризм в Палестине вызвал в британском парламенте сильные антиеврейские чувства, он заявил в палате общин: «Я против того, чтобы запрещать евреям делать то, что разрешается делать другим народам. Я против этого, и я крайне отрицательно отношусь к любым антисемитским предрассудкам.»

